

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ПЛАТА
за
вседозволенность

ИКСИО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Плата за вседозволенность

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Плата за вседозволенность / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Полковник Гуров занялся этим делом без особого энтузиазма. Убийство проститутки показалось ему банальным преступлением. Да и подозреваемых всего двое – сутенер и молодой бизнесмен. Однако у обоих имеется стопроцентное алиби. После убийства еще одной проститутки Гуров пришел к выводу – за этими преступлениями скрывается некий таинственный «Палач». Он коварен и хорошо осведомлен обо всех действиях сыщика. И Гуров решает искать преступника среди своего ближайшего окружения...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов Алексей Макеев

Плата за вседозволенность

Глава 1

– В связи с приказом министра внутренних дел... Мы должны укреплять... Суть поставленной перед нами задачи сводится к... – Лысоватый худощавый лектор бормотал с трибуны банальные слова, не отрывая головы от исписанных мелким почерком листов.

Одна из аудиторий Высшей академии права, где проходил плановый и никому не нужный семинар, была заполнена на две трети. Большинство слушателей были одеты в милицейскую форму и носили на плечах погоны не меньше майорских. Однако на лекции присутствовали люди и в гражданских костюмах. Хотя и принадлежали они к тому же ведомству.

Никого из присутствующих не интересовала суть лекции. Да и самого докладчика, судя по всему, от нее уже начинало мутить: отвращение ясно читалось в каждом взгляде лектора, который он исподлобья бросал в зал, изредка отрывая глаза от бумаг. Наблюдение за докладчиком и его откровенной мимикой было для Гурова, пожалуй, единственным развлечением с самого начала семинара.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Лев Иванович Гуров сидел в аудитории уже второй час и про себя костерил на чем свет стоит генерал-лейтенанта Орлова. Петр Николаевич еще вчера вечером безапелляционным тоном потребовал от сыщика представлять главк на этом семинаре.

– Ты у нас, Лева, самый представительный. Вот и будешь там всех нас представлять, – пророкотал генерал и, предвидя возражения, добавил: – Да не сверли ты меня своими голубыми глазищами! Не Станислава же я туда пошлю. Он своим неформальным видом на все министерство меня опозорит...

– Именно так я и сделаю, – встрял Крячко. – А чтобы эффект был получше, стану жеваной бумагой из трубочки в лектора стрелять.

– Молчи, паяц, – цыкнул на друга-сослуживца Гуров. – Петр, ты же знаешь, что лекции и семинары не мой курятник. Я лучше двое суток в засаде посижу.

– Кстати, о засадах, – хлопнул ладонью по столу Станислав. Гуров не стал перебивать, надеясь, что друг попытается «отмазать» его от семинара. – Приходит как-то мент домой в губной помаде и пьяный в дым. Жена встречает его на пороге и спрашивает: «Ну, и где ты сегодня был?» Мент отвечает заплетающимся языком: «В засаде». Из-за жены выглядывает теща и интересуется: «Ну и как? Засадил?..»

Орлов задорно расхохотался. Гуров же с отвращением переводил взгляд с генерала на Крячко: вместо ожидаемой помощи от друга получил пошлый анекдот. Да еще и украшенный здоровой бородой. И повода для веселья, естественно, в этом не видел.

– Петр, ответь мне откровенно на один вопрос, – Гуров дождался, когда генерал утихнет. – Ты в душе не садист случайно?

– Это почему? – оторопел Орлов.

– Ты же знаешь, как я ненавижу всякие семинары, лекции, пресс-конференции, официальные приемы, и все равно именно меня на такие мероприятия посылаешь, – пояснил Гуров. – У тебя что, других офицеров нет?

– Нет! Таких нет, – генерал вновь стал строгим. – Во-первых, Лева, твои светские замашки уже стали притчей во языцех, но очаровывают тех, кто тебя плохо знает. А во-вторых, сейчас все трудятся в поте лица. Одни вы с Крячко бьете баклуши. Причем второй день...

– Позвольте, позвольте, господин генерал! – возмутился Станислав. – Мы, между прочим...

– Вот только об этом не надо! – оборвал его Орлов. – То, чем вы сейчас занимаетесь, не стоит и выведенного яйца и может быть успешно продолжено в таком темпе еще пару месяцев. И вообще, Лева, это приказ! Разговор окончен...

– Ладно. Не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся, – пробормотал Гуров. – Будет и на нашей улице праздник! Разрешите идти?..

– Давайте, уматывайте, – фыркнул Орлов и уткнулся в какую-то бумажку...

Гуров вспоминал этот разговор и тихо закипал от злости. Просиживание штанов в аудитории было для деятельного сыщика настоящей пыткой. Лекторское бормотание изматывало Гурова сильнее, чем пешая слежка за объектом. К тому же сыщик сейчас не вел никакого серьезного дела. Поэтому и не мог, отвлекаясь от лекции, сосредоточиться на решении очередной задачи – нечего было решать!

Даже мысли о Марии бежали прочь, напуганные занудным бормотанием докладчика. Единственный вопрос, который приходил в голову, – а смогла бы эта великолепная актриса в такой обстановке изобразить искреннюю заинтересованность и неподдельное внимание?! Гурову казалось, что если бы и смогла, то вряд ли долго продержалась.

Наконец его муки закончились. Лектор сгреб свои листы и громко объявил о пятнадцатиминутном перерыве, и неблагодарные слушатели, словно школьники с урока, шумно потянулись к выходу. Гуров встал, потянулся, разминая мышцы, и следом за всеми вышел в коридор. Немного поколебавшись, сыщик направился в буфет, что находился на этом же этаже.

Помещение буфета было приблизительно на треть заполнено участниками семинара. Гуров заметил нескольких знакомых офицеров и кивком поздоровался с ними. Может, в другой обстановке сыщик и подошел бы к ним, чтобы переброситься парой словечек, но сегодняшнее настроение не располагало его к разговорам. Мысль о том, что он занимается ненужным делом, не способствовала улучшению настроения сыщика, мозг которого привык к напряженной работе.

Гуров прошел к стойке и заказал себе чашку кофе. На секунду у него возникло желание добавить в этот кофе коньяку, но сыщик подумал, что улучшению настроения это не поможет, а вот погружению в сон непременно поспособствует, что в планы Гурова не входило. Не хватало еще захрапеть во время очередного доклада, а потом выслушивать ворчание Орлова о том, что сыщик опозорил его перед всей Москвой.

Забрав у буфетчицы чашку довольно скверного кофе, Гуров прошел за свободный столик. Со свойственным ему прагматизмом сыщик все же попытался отыскать какие-либо положительные стороны в своем пребывании на семинаре.

Однако, несмотря на все старания, ничего хорошего из этого не получилось. Тяжело вздохнув, сыщик приказал себе выкинуть из головы все мысли о семинаре и бессмысленным взглядом уставился на стену.

– Лев Иванович, разрешите присесть? – услышав незнакомый голос, Гуров обернулся и удивленно посмотрел на говорившего.

С правой стороны, между буфетной стойкой и столиком сыщика, стоял молодой майор в милицейской форме. С такой же, как у Гурова, чашкой кофе в руке. Сыщик попытался вспомнить, знает ли он этого майора, но безрезультатно. Лицо офицера было Гурову незнакомо.

– Присаживайтесь, – пожал плечами сыщик и замолчал, не желая вступать в разговор. Однако майор оказался словоохотливым.

– Позвольте представиться, – проговорил он, опускаясь на стул. – Геращенко Владимир Михайлович.

– Очень приятно, – буркнул Гуров и уткнулся в чашку кофе.

– Лев Иванович, я много наслышан о вас, и мне давно хотелось познакомиться с вами, – продолжая улыбаться и делая вид либо действительно не замечая нежелания Гурова продолжать разговор, проговорил майор. – Я недавно переведен в МУР, а там только о вас и говорят...

Геращенко замолчал, явно ожидая хоть какой-нибудь реакции на свои слова. Гуров, осознав, что от майора не отвязаться, поднял на него глаза и вымученно улыбнулся, всем своим видом давая понять, что ожидает продолжения разговора. И оно не замедлило последовать.

– Лев Иванович, если можно, то мне бы хотелось получить несколько уроков профессионала такого высочайшего уровня, – с той же любезной улыбкой проговорил майор. – Если у вас есть пара минут, не могли бы вы ответить мне на пару вопросов?

– Спрашивайте, – пожал плечами Гуров. – Хотя признаюсь, что учить и давать советы – это не мой курятник.

Геращенко некоторое время удивленно смотрел на Гурова, со всей очевидностью пытаясь сообразить, что тот хотел сказать. Гуров терпеливо ждал, явно не собираясь объяснять майору возможность существования фигуральных выражений. Наконец Геращенко снова улыбнулся.

– Ах, да! Понимаю. Одно из ваших крылатых выражений. А мой вопрос касается одного из ваших последних дел. Скажите, Лев Иванович, как вам удалось в столь короткие сроки получить от Центробанка так много полезной информации? Мне однажды пришлось иметь с ними дело, но я не узнал и десятой доли того, что удалось откопать вам. И еще один вопрос. Объясните мне, пожалуйста, какими методами вы пользовались во время сортировки полученной информации? Было бы очень полезно поучиться...

– Что касается первого вопроса, – ухмыльнулся Гуров, который, естественно, не собиравшись разглашать свои источники информации, – то можете объяснить это моим личным обаянием и умением работать с людьми. А второй вопрос вы задали не по адресу, Владимир Михайлович. Спросите об этом моего напарника Крячко, если когда-нибудь придется пообщаться с ним. – За стенами буфета прозвенел звонок, сзывающий слушателей на семинар. Гуров встал. – А сейчас, извините, мне пора идти...

– Лев Иванович, одну секунду, – удержал его майор. – Я был бы вам очень признателен, если бы вы когда-нибудь смогли рассказать мне об этом деле поподробнее. Такой урок мастерства никому не помешает. А в учебниках его, сами понимаете, еще нет. Возьмите, пожалуйста, мою визитку и позвоните, если решите уделить мне полчаса. Заранее признателен...

Гуров взял протянутую визитную карточку и, пожав плечами, пошел к выходу. Сыщик никогда особого внимания на лесть не обращал. Он прекрасно знал цену себе и своим возможностям. А лесть всегда считал опасной. Но что-то в словах молодого майора сказало Гурову, что тот действительно интересуется тем делом с банковскими купюрами.

Что ж, вполне похвальное стремление. Гуров сунул визитку в карман и, подумав о том, что как-нибудь свяжется с майором, поспешил в аудиторию. Впереди было еще два часа скуки и безделья, и их нужно было как-то пережить...

Гуров добрался до главка часам к трем. Поставив свой сверкающий «Пежо» во дворе, сыщик неторопливо поднялся наверх, в свой кабинет. Собственно говоря, ему было совсем не обязательно возвращаться на работу. Орлов еще вчера освободил его на весь следующий день. Но как только сыщик представил себе еще несколько часов безделья в ожидании Марии после спектакля, руки сами собой повернули руль машины в сторону главка.

«В спортзал спущусь, если больше нечего будет делать», – подумал Гуров, но сначала решил подняться наверх и узнать новости.

Крячко в кабинете не было: вышел он явно ненадолго и недалеко, поскольку недокуренная сигарета «Мальборо» все еще дымилась в переполненной пепельнице, а джинсовая куртка Станислава сиротливо валялась на жестком деревянном стуле с высокой спинкой, который стоял в углу комнаты у пустого стола.

Когда-то раньше Гуров предпочитал этот стул всем остальным и упорно отказывался заменить его на мягкое кресло. В ответ на уговоры и издевательские замечания Станислава по поводу консервативно-мазохистских наклонностей сыщика Гуров каждый раз отвечал, что ему на этом стуле думается лучше. Однако после одного из дел, когда сыщику пришлось провести в кабинете безотлучно больше суток, жесткий деревянный стул был безжалостно отправлен в отставку и приспособлен для других нужд. Например, для допроса подозреваемых.

Гуров сам почти не курил, поэтому, поморщившись от сигаретного дыма, заполнившего кабинет, подошел к окну и распахнул створки. Затем старательно затушил сигарету, оставленную Крячко, и вытряхнул переполненную пепельницу. Едва Гуров это сделал, как зазвонил телефон на его столе.

– Лева, и сколько тебя можно ждать? – услышал сыщик голос Орлова. – Тебе, может, на гербовой бумаге приглашение прислать?

– Петр, а меня здесь вроде бы и нет, – съязвил Гуров. – Я, насколько вам известно, господин генерал-лейтенант, нахожусь на семинаре и на работу сегодня не вернусь.

– Ты эту клоунаду для Крячко оставь. Хлеб у него отбираешь, – буркнул в ответ Орлов. – Марш быстро ко мне в кабинет.

– А к чему такая спешка? Срочно требуется отбыть на симпозиум в Задрьпинск? – вновь съязвил Гуров, но в ответ услышал лишь короткие гудки. Пожав плечами, сыщик положил трубку и, чуть помедлив, вышел из комнаты.

От кабинета Гурова до приемной генерала идти было два шага. Однако сыщик преодолевал это расстояние максимально долго. Он был все еще зол на Орлова за свое пребывание на этом дурацком семинаре. В приемной Гуров, как обычно, немного пококетничал с Верочкой, секретаршей генерала, и лишь после этого прошел в кабинет.

Орлов отреагировал на задержку сыщика недовольным взглядом, не сказав ни слова. Генерал уже не один год служил с Гуровым и прекрасно знал его тяжелый характер. Выговаривать что-либо в тот момент, когда сыщик находился в состоянии недовольства, было напрасной тратой сил и эмоций. Ничего хорошего из таких диалогов никогда не получалось.

В кабинете генерала находились два человека: Крячко и Гойда, следовательно прокуратуры. Сыщик поздоровался с ними и сел на привычное место – поближе к распахнутому окну.

– Игорь Федорович, – обратился к Гойде генерал, кивнув в сторону Гурова. – Введи этого жизнью обиженного товарища в курс дела.

– Да уж, Игорь Федорович, будьте любезны! – фыркнул Гуров. – Мне просто не терпится.

– С превеликим удовольствием, – кивнул следователь, и его полные розовые щеки синхронно подпрыгнули. – Ты что это, Лева, сегодня как осой под хвост укушенный?

– Будешь тут укушенный, – пожал плечами сыщик. – Господин генерал своей высшей милостью заставил меня полдня сиднем сидеть в аудитории и слушать маразмы времен Леонида Ильича. Причем с такой же дикцией...

– Ну, это еще не беда! – рассмеялся Гойда. – Побывал бы ты на инструктаже у нашего прокурора, тогда бы узнал, почему фунт лиха.

– Может, к делу все-таки перейдете? – не выдержал генерал.

Гойда прокашлялся. Неторопливо расстегнув потертую кожаную папку для бумаг, следователь достал несколько фотоснимков и протянул их Гурову. Сыщик мельком посмотрел на них и отложил в сторону. Те, что лежали сверху, еще сверкали свежим гляncем, но самые нижние были уже изрядно потерты. Даже если не смотреть на даты фотосъемки, аккуратно представленные в левом нижнем углу, было понятно, что снимки сделаны с интервалом в два дня.

– Ну и что? – посмотрев на генерала, спросил Гуров.

– Как это что? – взревел Орлов. – Лева, хватку теряешь! Внимательней посмотри.

– Зачем? – сыщик пожал плечами. – Обе девушки были задушены сзади. Скорее всего, капроновым шнурком. На телах многочисленные ожоги. А на лбу у каждой, вероятно, уже после смерти вырезаны порядковые номера. Первый и второй. Ну и дальше что?

В кабинете генерала повисла тишина – Орлов сразу не нашелся, что ответить. Крячко ехидно улыбался, пряча свою ухмылку от окружающих. А Гойда терпеливо ждал, пока Гуров и Орлов придут к какому-нибудь решению. Впрочем, следователь ничуть не сомневался в конечном итоге этой перепалки и готовил документы для продолжения работы.

– Петр, а почему мы? – не дождавшись ответа, продолжал сыщик. – Людей у нас в Москве с завидной регулярностью убивают. Ничего необычного в этих двух смертях нет. Вот и передай дело тому, кто помоложе и поамбициознее. А я сегодня на семинаре и вообще свободен.

– Лева, что-то в тебе циничности с каждым днем прибавляется, – покачав головой, констатировал генерал. – Совсем плохой становишься.

– Что выросло, то выросло, – жестко ответил Гуров. – Не мне тебе рассказывать, Петр, сколько смертей на своем веку нам довелось наблюдать. Сейчас не сороковые, и войны в стране нет. А людей убивают каждый день. Причем не по одному и иногда совершенно ни за что. Ты мне прикажешь пускать слезу над каждым трупом? Или пытаться поймать каждого убийцу своими руками?..

И на эти вопросы у генерала не нашлось ответа. Действительно, упрекать сыщика в черствости и циничности было не совсем верно. Сама его работа цинична по своей сути. Ибо каждый день приходилось копаться в чьем-то грязном белье, разыскивая крупницы истины. Обвинить сыщика в циничности – это все равно, что попытаться узнать у зубного врача, почему он не брезгает копаться в чужом рту.

– Ладно, Лева, извини. Ты прав. Я немного погорячился, – пробормотал генерал. – Но ты тоже хорош...

– Ты не ответил на мой вопрос, – прервал его Гуров. – Почему мы должны заниматься этим делом?

– Во-первых, Лева, вы у меня единственные, кто сейчас бездельничает, – снова начал терять терпение Орлов. – Во-вторых, приказ руководства, как тебе известно, не обсуждается. А в-третьих, меня просили, – генерал выразительно поднял глаза к потолку, – поставить на это дело лучших людей. Похоже на нового серийного убийцу. А ты хоть и ужасный зануда, но пока еще у меня лучший сыщик...

– Паны дерутся, у холопов чубы трещат, – усмехнулся Гуров. – Знакомая ситуация.

– По-онятно, – встрял в разговор Крячко. – Теперь начнут с нас драть три шкуры и требовать, чтобы к концу рабочего дня преступник был арестован. Будто мы балаганные фокусники и можем его, словно кролика, из ментовской фуражки достать. «Нате вам, кушайте!»

– Ты бы помолчал, остряк-самоучка! – рявкнул на него генерал. – Игорь Федорович, ты будешь продолжать?

Гойда прокашлялся и достал из папки несколько исписанных листочков дешевой бумаги, протянул их Гурову и подождал, пока сыщик прочтет.

Ничего особо интересного эти листочки в себе не содержали. Стандартное описание расположения тел, следов вокруг места происшествия и вещдоков, которые были приложены к делу. Лишь один факт привлек внимание сыщика – оба трупа были обнаружены на улице Свободы. В том месте перед МКАД, за которым начинаются Новобутаковские садовые участки.

– Интересный случай, – хмыкнул Гуров и протянул протоколы Крячко. – С каких это пор серийные убийцы оставляют трупы в одном месте? Дилетантство какое-то. Если так дальше пойдет, то мне и работать не придется. Достаточно там засаду устроить, и бери маньяка тепленьким.

– Уже устроили. На месте последней находки, между прочим, до сих пор наряд дежурит. Ждет, когда ты соизволишь приехать и осмотреться, – буркнул Орлов и добавил: – Лева, это самое умное, что ты мог сказать?..

Гуров промолчал. Он вслушивался в себя, стараясь отыскать в душе недавнюю обиду на Орлова за командировку на никчемный семинар. Искал и не находил. Злость исчезла, поглощенная предчувствием напряженной работы.

Гуров действительно почувствовал облегчение, когда узнал о новом деле. За годы напряженной работы он так отвык отдыхать, что иногда и отпуск принимал как наказание.

Любил ли сыщик свою работу? Он и сам никогда однозначно не мог ответить на этот вопрос. У Гурова не раз бывали моменты, когда он готов был на все плюнуть и уйти из органов. Один раз он даже подавал в отставку, но все равно вернулся.

Зачем? И на этот вопрос однозначного ответа не было. Не в характере Гурова было прикрываться высокопарными словами вроде «борьбы за справедливость» и «защиты униженных и оскорбленных». И все же в глубине души он осознавал, что и в этих фразах для него, в отличие от его коллег, есть смысл. Гуров действительно не хотел, чтобы зло оставалось безнаказанным.

И еще – сыщик любил свою работу! Да и как можно не любить дело, которому отдана большая часть жизни? Тяжелый труд оперативника мгновенно отсекал тех, кто пришел в органы в погоне за привилегиями и жадной власти. Они либо уходили из милиции, либо правдами и неправдами занимали местечко в теплом кабинете и не высовывали нос на улицы, заполненные грязью действительности.

Гуров от этой грязи нос не воротил. Более того, он сам искал дела потруднее. Отчасти оттого, что за них никто не хотел браться, а если и начинал расследование, то делал это спустя рукава. Кроме того, он всегда считал, хотя почти никогда в этом не признавался, что может сделать любую работу лучше других. Впрочем, тут он был не одинок. Гурова многие обоснованно считали лучшим сыщиком, и не слишком много оперативников могли похвастаться таким длинным списком раскрытых преступлений.

Говоря Орлову о том, что в убийстве девушек нет ничего необычного, Гуров несколько лукавил. Во-первых, потому, что он никогда не делал выводов раньше, чем запасался достаточным количеством фактов. А во-вторых, потому, что убийство обычным быть не может. Как бы преступления ни были похожи, они всегда отличаются друг от друга.

– Ты уснул, что ли? – удивленно спросил генерал, не дождавшись ответа на свой вопрос.

– Когда нашли последний труп? – проигнорировав вопрос Орлова, обратился сыщик к Гойде.

– Почти три часа назад, – следователь посмотрел на часы. – Подвыпившая компания студентов возвращалась с дачи, и одна из девушек отлучилась в кусты, так сказать. Она-то и наткнулась на труп.

– Что-нибудь интересное, кроме хлама, что обычно выбрасывают на обочину из проезжающих машин, криминалисты обнаружили? – отложив протоколы осмотра, спросил Крячко. – Думаю, что большая часть этих «вещдоков» к делу никакого отношения не имеет. На самом трупе что-нибудь было?..

– Кусочек скотча в уголке губ с сильно размытым фрагментом отпечатка большого пальца, – Гойда почему-то удивленно взглянул на Станислава. – Сейчас специалисты потеют над ним, но шансы что-то получить ничтожны. Кстати, у первого трупа вокруг рта также были следы от клея, который обычно используется при производстве скотча.

– Отечественного или импортного? – быстро спросил Гуров.

– Экспертиза не производилась, – следователь пожал плечами. – Поначалу никто не обратил внимания на этот факт, а теперь у нас есть фрагмент клейкой ленты. Но не думаю, Лева,

что и это нам что-то даст. Сейчас в каждом магазине канцтоваров этого скотча по десятку видов. Искать в этом направлении – пустая трата времени и сил...

– Игорь, нужно взять соскобы клея с губ первой жертвы и произвести тщательный анализ, – перебил Гойду сыщик. – В этом деле каждая мелочь может быть важна.

Следователь кивнул и сделал себе пометку в блокноте. Собственно говоря, согласно букве закона, распоряжаться здесь должен был Гойда, как следователь прокуратуры, ведущий дело. Однако, по негласной договоренности, Гойда всегда предоставлял Гурову право распределять обязанности и вести следствие так, как тот считал нужным. И из-за значительно большего опыта сыщика, и из-за его умения видеть то, чего не замечают другие.

Такая практика ведения дел уже не раз приносила свои плоды. Гуров любил работать с Гойдой. И если уж ему навязывали какое-то дело, предпочитал видеть своим «непосредственным начальником» именно его, а не кого-либо другого.

Всех прочих работников прокуратуры Гуров старался держать в неведении и вводил в курс дела в самый последний момент, что не раз приводило к неприятностям как для него самого, так и для Орлова. Именно поэтому генерал всегда просил прокурора назначать Гойду, когда дело расследует Гуров. Обычно эти просьбы удовлетворялись.

– Лева, меня эти ожоги смущают, – задумчиво проговорил Крячко, рассматривая фотографии. – Ни одного следа от ударов. Такое ощущение, что убийца девушек пытал. Зачем?

– Нет, следы от ударов есть, – Гойда протянул Гурову заключение патологоанатома. – Обе девушки были оглушены ударом по затылку мягким предметом. Возможно, кулаком. Затем преступник заклеивал им рот скотчем, связывал и лишь после этого начинал мучить.

– Чем нанесены ожоги? – поинтересовался сыщик, даже не посмотрев на протянутые бумаги.

– Скорее всего, зажженной сигаретой, – ответил следователь. – Но патологоанатом не исключает возможность того, что это была горящая щепка или веточка.

– Значит, убить их могли и в лесу? – Крячко вопросительно посмотрел на Гойду.

– Исключено, – покачал головой следователь. – В тех местах, где нашли девушек, нет никаких следов борьбы. Более вероятно, что маньяк издевался над ними в одной из дач в Новобутаково.

– И это может быть, – задумчиво проговорил Гуров. – Людей на этих садовых участках опрашивали?

– Велась какая-то работа, – махнул рукой Гойда. – Походил участковый и поспрашивал: «видели, не видели».

– Что-то я не вижу данных на девушек, – пробормотал Гуров, еще раз просматривая материалы. – Кто они? Что их связывает, кроме смазливой внешности и крашенных в белый цвет волос?

– А вот этого мы пока и не знаем, Лева! – развел руками Орлов. – У убитых ни документов, ни личных вещей не было. Сейчас просматриваются все заявления о пропавших. Но результатов пока никаких. Закончим совещание, свяжись. Может, что и всплыло.

Гуров пожал плечами. Только сейчас сыщик понял, почему генерал настаивал на том, чтобы именно он взялся за это дело. Ситуация и в самом деле получалась запутанная. Мало того, что убийца выбрасывал трупы на одном и том же участке дороги, – а то, что он расправлялся с девушками в другом месте, было совершенно очевидно, – так еще и неизвестно, кем являются обе убитые.

Пока между двумя жертвами не установлено никаких связей. Отсутствуют и хоть какие-нибудь видимые следы преступника. Если, конечно, не считать кусочка скотча с размытым отпечатком пальца. Известен лишь способ убийства, и, может, совершенно необоснованно предполагается, что в Москве начал орудовать новый маньяк.

Гуров не отметал этого предположения, но и единственным не считал. Конечно, в том, что убивал девушек один и тот же человек, сомневаться не приходилось, хотя бы из-за предоставленных маньяком серийных номеров на лбах своих жертв. Но следы ожогов на теле могли говорить и о другом!

Например, нельзя исключить того, что девушек пытали, чтобы вытянуть из них какую-то информацию. Захватили обеих сразу, а затем истязали одну на глазах у другой, чтобы та заговорила. Не добившись результата, девушку убили, а вторую продолжили пытаться.

Гуров, конечно, понимал, что эта версия объясняет не слишком много. Но не в правилах сыщика было отмечать любое предположение, пока не доказано, что оно не имеет права на существование, каким бы абсурдным это предположение поначалу ни казалось. Об этом Гуров и сказал друзьям.

– Лева, по-моему, ты бредишь, – фыркнул Крячко. – Тебя послушать, выходит, что обе девушки были достойными последовательницами Зои Космодемьянской. Их по очереди пытали, а они, как настоящие партизанки, молчали и плевали мучителю в лицо. Хотя, нет! Плеваться они не могли, поскольку у них рты были залеплены скотчем.

– Петр, а ты говоришь, что циник – это я, – Гуров кивнул в сторону Крячко. – Вот тебе более достойный пример цинизма.

– Я и сам вижу, – улыбнулся Орлов. – Но, по-моему, Стас прав. Не в ту сторону ты поехал, Лева.

– В ту, не в ту, время покажет, – фыркнул сыщик. – Не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся.

– Борись, борись. Только смотри, не окажись в партере, – отмахнулся генерал. – Что делать собираешься?

– Отправлю Стаса искать в архивах информацию об этих девушках, – пожал плечами Гуров. – А Игорь пусть проводит дознание с той компанией, что труп нашла.

– А ты чем займешься? – хитро прищурился Крячко. – Будешь с господином генерал-лейтенантом в подкидного дурака играть?

– Не буду, – заверил друга Гуров. – Во-первых, ты будешь копать в архиве. Так что дурака, чтобы подкидывать, у нас не будет...

– Ну, спасибо! – возмутился Станислав. – Бедного всяк норовит обидеть.

– Не воруй чужие фразы, – рассмеялся Гуров. – Стас, ты не переживай. Работы с этими девочками всем хватит. Да еще столько останется, что со стороны людей привлекать придется. А я пока на улицу Свободы прокачусь. Пошарю вокруг. Может, эксперты что-то и пропустили. Сомневаюсь, что я там хоть один незатоптанный след найду, зато время подумать в спокойной обстановке у меня будет...

– Вот и замечательно, – подвел итог Орлов. – Хватит трепаться, принимайтесь за работу. А то у меня и без вас дел невпроворот.

– Так точно, господин генерал-лейтенант, – подмигнув друг другу, гаркнули Гуров с Крячко. – Разрешите идти?

– Сгиньте! – поморщился Орлов и замахал руками. – Марш отсюда. И чтобы вечером ко мне на доклад...

Как и предполагал Гуров, место, где был обнаружен труп девушки, было основательно перепахано. Следственная группа, выезжавшая на улицу Свободы, хоть и старалась работать аккуратно, но в ее действиях сквозила небрежность. Да и оба милиционера, которые пару часов дежурили возле места трагедии, успели прогуляться по окрестностям. След одного из них Гуров отыскал прямо внутри очерченного мелом контура убитой.

Сыщик не сдержался, отmaterил постовых и запретил им делать хотя бы шаг в сторону от асфальта, пока он осматривает окрестности. Собственно говоря, Гуров и не рассчитывал найти здесь что-нибудь. Желание подумать в относительной тишине и спокойствии, о котором

он говорил у Орлова, также не было основной причиной его поездки на улицу Свободы. Скорее всего, сыщик просто хотел осмотреться и на месте представить себе, как убийца вытаскивал труп из машины.

Гуров вернулся к обочине и некоторое время постоял там, как раз напротив узкой тропинки, ведущей к месту, где была обнаружена убитая. А потом пошел в лес, пытаясь представить себе действия преступника.

Если предположение патологоанатома о том, что девушек пытали зажженными сигаретами верно, – а Гуров склонен был ему верить, – то преступник должен был много курить. По крайней мере, в тот момент, когда совершал убийства. Однако около тела девушки подобрали окурки, что лежали там, скорее всего, с первого пришествия Христа.

Гуров попытался представить, как убийца нес свою жертву в лес. Судя по протоколу отчета, девушка была миниатюрной: чуть больше метра шестидесяти ростом и весом едва в пятьдесят килограммов. Мало вероятно, что маньяк тащил ее в лес волоком. Скорее всего, нес ее на плече. Если учесть, что маньяк много курил, то вполне возможно, что в свободной руке у него была сигарета. И если убийца бросил ее в лесу, то лежать окурочек должен в кустах.

Сыщик вспомнил, что в заключении патологоанатома говорилось, что удар по голове девушки был нанесен сзади справа. Следовательно, убийца был правой. Значит, вытащив тело из машины, он должен был нести его на правом плече. Не раздумывая ни секунды, Гуров свернул с дорожки влево и полез в самую гущу кустов.

Его усилия оказались ненапряжными. После пары минут поисков Гуров наткнулся на свежий окурочек, истлевший до самого фильтра. Сыщик достал из кармана носовой платок и аккуратно, не касаясь окурочка пальцами, поднял его с земли.

Конечно, говорить о том, что эти остатки сигареты принадлежат убийце, с полной уверенностью не следовало. Окурочек мог выкинуть и кто угодно из экспертной группы. Но что-то подсказывало Гурову, что он не ошибся – эту сигарету выбросил в кусты убийца. Сыщик завернул окурочек в платок и вернулся к машине. Больше ему здесь делать было нечего.

В час пик центральные районы Москвы, как всегда, были перегружены транспортом всех мастей и расцветок. Преобладали, конечно, иномарки, среди которых гуровская «Пежо» не выглядела белой вороной. Но и отечественных «жигулят», «Волг» и «Газелей» вполне хватало. В общем, сквозь эту толчею сыщик добирался до Петровки гораздо дольше, чем до улицы Свободы. По дороге он связался с Гойдой и договорился, к какому времени следователь подойдет на совещание к Орлову.

Генерал едва не подпрыгивал от нетерпения, ожидая, когда Гуров со товарищи явятся с докладом. Одного взгляда на старого друга и начальника хватило сыщику для того, чтобы догадаться о звонках сверху, донимавших Орлова по крайней мере последние полчаса.

– Что нарыли, сыскари? – спросил генерал, едва Гуров переступил порог.

– Пару бутылок пива и бычок на закуску, – усмехнулся Гуров. – Если хочешь, сейчас гонца за водочкой зашлем.

– Лева, если ты считаешь, что тут цирк, то надень на себя клоунский колпак, – обиделся Орлов. – А то роли не соответствуешь.

– Завтра же будет исполнено, господин генерал, – продолжал ерничать Гуров.

– Не будет, – фыркнул Крячко. – Его Мария в таком виде не только на порог не пустит, но еще и поспособствует транспортировке вышеупомянутого клоуна в соответствующее заведение с решетками на окнах и непременным присутствием Наполеона в каждой камере.

– Да что вы, как дети, мать вашу... – вспыхнул генерал, – по существу говорить не можете?

– Можем и по существу, Петр, – в этот раз серьезно проговорил Гуров. – Только сам ведь знаешь, что сказать мне тебе особо нечего.

– Ты докладывай, а об остальном решать я буду, – проворчал Орлов. – Развелось вас, умников, хоть на Москве-реке плотину строй.

Пожав плечами, Гуров опустился на свое место. Гойда и Крячко последовали его примеру, усаживаясь за приставной стол. Вопреки всем ожиданиям, разговор получился долгим, и Мария вечером после спектакля так и не дождалась мужа, который твердо обещал ее встретить и отвезти домой...

Глава 2

Обычно Мария спокойно относилась к задержкам Гурова. Однако вчера, прождав мужа почти час и уехав из театра на такси, Строева устроила сыщику дома настоящий разнос. Гуров был настолько удивлен ее реакцией, что даже не нашел, что сказать в свое оправдание.

Сегодня утром, направляясь в главк, сыщик вспоминал вчерашний разговор. И не соглашаться с тем, что жена была права, было нельзя. Действительно, ничего не мешало Гурову позвонить в театр и предупредить, что, возможно, он задержится допоздна.

Единственное, чего сыщик никак не мог понять, так это то, почему Мария устроила ему скандал именно в этот день, ведь Гуров не впервые, обещая, не заезжал за женой. И Мария, хоть и волновалась не меньше, чем вчера, никогда не говорила ему ни слова упрека.

Раздумывая над этим, Гуров пришел к выводу, что у Марии не все хорошо в театре. Обычно именно из-за закулисных проблем Строева становилась раздражительной и обижалась на мужа по любому поводу. Если бы не данное однажды жене слово не вмешиваться в ее отношения с руководством театра, Гуров непременно бы попытался выяснить причину вероятного конфликта. А теперь ему оставалось только терпеть придирки жены и ждать, пока она сама расскажет о своих проблемах.

«Что ж, потерпим!» – подумал Гуров и улыбнулся.

Со своей будущей женой он познакомился совершенно случайно, когда скучал на одной из вечеринок, куда его затащил известный телеведущий. Этому человеку сыщик однажды здорово помог, и ведущий пытался отплатить ему той же монетой, стараясь стереть из сердца сыщика боль от расставания с первой женой – Ритой.

Вот на одной из светских попок, куда телеведущий повадился таскать Гурова для поисков тому новой спутницы жизни, сыщик и встретил Марию. У нее были какие-то проблемы, и Гуров помог их решить, не думая, что встретится со Строевой еще раз. Однако взаимная симпатия оказалась сильнее. Хотя в том, что они стали жить вместе, больше заслуги Марии, чем Гурова. Это она в буквальном смысле этого слова вцепилась в сыщика обеими руками и решила пойти на все, лишь бы быть с ним.

Гуров любил свою жену. Любил так, как уже и не думал когда-нибудь полюбить. Он без раздумий отдал бы за нее жизнь, работу, свое честное имя. И это отчасти мешало его службе. Начиная каждое дело, сыщик всегда должен был думать о том, как эффективно вести следствие и не подвергнуть опасности жизнь своей жены.

До сих пор это удавалось, и Гуров готов был приложить все усилия, чтобы ситуация не менялась и впредь. Может, именно из-за глубины переполюбявших его чувств сыщик принимал близко к сердцу упреки жены. Но в этот раз вчерашняя ссора с Марией вызывала у него только улыбку. «Милые бранятся – только тешатся», – размышлял он.

Гуров приехал на работу раньше, чем обычно. Сыщик хотел еще раз в тишине кабинета просмотреть бумаги по делу «Курильщика», как условно решили называть убийцу с легкой руки Станислава.

Вчера вечером генерал проявил дотошность, обычно ему не присущую. Чаще Орлов предпочитал не вмешиваться в действия Гурова, полагаясь на его нюх сыщика и профессиональные способности. Но в деле с «Курильщиком» генерал требовал не только подробного отчета о проделанной за день работе, но и настоял на том, чтобы Гуров высказывал свои предложения о дальнейшем ведении следствия.

Крячко, как обычно, придал лицу глупое выражение и упорно отмалчивался, давая понять присутствующим, что его дело маленькое – что начальство прикажет, то и будем делать. А предполагать и строить планы, дескать, не его забота. Он лишь исполнитель, а руководит Гуров. Вот с него и спрашивайте.

Полковник за это на друга не обижался. За многие годы совместной работы Гуров привык к подобной манере Станислава. Крячко всячески подчеркивал таланты Гурова и иногда излишне театралью нажимал на свою ординарность. Станислав любил выглядеть простачком. Хотя и сыщик был едва ли хуже Гурова. Разве что мыслил излишне стандартно.

Намного более, чем позиция Станислава, полковника удивила реакция Гойды. Прокурорский следователь обычно старался помочь Гурову советами и на собственные предложения по ведению следствия никогда не скупился. Но на этот раз Гойда больше отмалчивался. То ли из-за того, что действительно не представлял, что можно сделать, кроме стандартных ходов, то ли решил попридержать свои соображения до того момента, как соберет более веские, чем в настоящий момент, их подтверждения. Так было или иначе, Гурову выяснить не удалось. Однако отдуваться перед генералом ему пришлось одному.

Поначалу сыщик удивлялся той дотошности, с которой Орлов взялся вытаскивать из него рабочие версии, и в этот момент генерал стал похож на школьного учителя, пытавшегося завалить троечника на экзамене.

Гуров никогда раньше не замечал у своего начальника подобного стремления вникнуть в каждую мельчайшую деталь расследуемого дела. Поначалу это раздражало, но, проанализировав ситуацию, Гуров понял, что от генерала уже сегодня ждут подробного доклада и соображений о том, как поймать предполагаемого серийного маньяка. Пожав плечами, сыщик начал рассуждать вслух.

Собственно говоря, сам план ведения следствия был готов у Гурова еще до того, как он покинул кабинет генерала, отправляясь на улицу Свободы. В случае появления новых данных внести в него коррективы не представляло труда. А пока сыщик предполагал снова отправить Крячко в архив для поиска хоть каких-либо установок на убитых.

– С удовольствием! Там есть такие девочки, что пальчики оближешь, – радостно провозгласил Станислав. За что и получил от генерала пару не слишком лестных слов о его отношении к порученному заданию.

Гойде следовало прямо с утра заняться подготовкой материала для телевидения. Следовало дать по московской программе объявление о двух девушках с их фотографиями. Кроме того, необходимо было распечатать снимки и отослать участковым. Может, где-то и отыщется хоть какой-нибудь след погибших.

Для себя Гуров оставил поездку в Новобутаково и разговор с владельцами дач и жителями района: а вдруг удастся найти человека, который видел, как ночью приезжала или уезжала машина. Конечно, совсем необязательно, что убийства произошли в этом садовом товариществе, но сейчас была важна каждая зацепка. Любой, хоть и призрачный, след.

– Какие-нибудь соображения по поводу личности убийцы есть? – нетерпеливо спросил Орлов.

– Конечно. И очень важные, – воодушевленно проговорил Гуров. Все удивленно посмотрели на него. Сыщик продолжил, старательно пряча улыбку: – Убийца – курящий мужчина в самом расцвете сил...

Засмеялся один Крячко. И то, услышав от Орлова подобающую случаю тираду о клоунах, отвернулся в сторону, чтобы не раздражать генерала своей глупо улыбающейся физиономией. Гуров подождал, пока Орлов от души наматерится, затем продолжил. На этот раз совершенно серьезно.

– Петр, ну скажи мне, откуда могут взяться соображения по поводу убийцы, если мы даже еще не установили, кем являются его жертвы? – чеканя слова, проговорил полковник. – Да, убийца действительно сильный мужчина и, думаю, в момент совершения преступлений много курит. Самое простое объяснение этому факту: преступник нервничает, когда приступает к истязаниям. Однако самое простое не значит самое верное...

Гуров говорил еще долго. Сыщик понимал всю бессмысленность подобного построения предположений и не раз пытался закончить рассуждения в духе гадания на кофейной гуще, но Орлов снова и снова задавал вопросы, словно надеялся обсуждениями натолкнуть Гурова на единственно верное решение. Ближе к девяти часам от разговоров устали все.

– Да, маловато ты откопал, Лева, – разочарованно подвел итог Орлов.

– Ну вот, попали. На ровном месте и мордой об асфальт, – развел руками сыщик. – Если ты, Петр, ждешь от нас чудес, то придется тебя разочаровать. Даже если в ближайшие два дня удастся установить личность хотя бы одной девушки, то и в этом случае обещаю тебе, что дело будет долгим и трудным. А если тебя или кого-то там наверху не устраивает, как я веду дело, можешь меня отстранить. Если ты помнишь, я и сам не хотел за это расследование браться...

– Ну, надулся, как индюк на гусыню, – проворчал генерал. – Слово тебе не скажи. Сразу в бутылку лезешь. Иди домой и отдохни. Завтра продолжим. Свободны все!..

Подъезжая к главку, Гуров вспоминал этот разговор и твердо решил настоять на том, чтобы Орлов не мешал работе своими дурацкими вопросами. Сыщик и раньше принимал в штыки попытки вмешаться в его действия. А пристальное внимание Орлова, которого Гуров привык воспринимать как союзника, а не палку в колесах, вызывало еще большее раздражение. Гуров твердо решил поговорить с генералом и вынудить Орлова не давить на него либо совсем отказаться от этого дела.

Посидеть в одиночестве в своем кабинете и спокойно еще раз просмотреть документы по делу Курильщика не получилось. Несмотря на ранний час, Крячко уже был на работе. Он восседал на кресле Гурова, положив ноги, обутые в «найковские» кроссовки, на стол, и курил сигарету.

– Знаешь, Стас, чего я никак не пойму? – заявил Гуров с порога и, поймав вопросительный взгляд друга, продолжил: – Почему тебе не сидится на своем месте? Стоит мне отлучиться, как ты тут же забираешься в мое кресло, словно там медом намазано!

– И тебе доброе утро, Лев Иванович! – кивнул Крячко. – Нет бы похвалить подчиненного за служебное рвение, так ты с самого утра принимаешься за нравоучения. Слава богу, что ты не родился женщиной. А то такой тещи я бы и врагу не пожелал.

– Выметайся из моего кресла, – заявил сыщик, снимая пиджак и вешая его в шкаф. – Долго я ждать буду?..

– Слушай, Лева, не будь таким зверем, – притворно жалобным голосом проговорил Крячко. – Когда мы раскрываем громкое преступление, то все лавры достаются неподражаемому Гурову. О таких мелких сошках, как я, нигде и не упоминают. Так дай мне, сидя на твоём месте, почувствовать себя великим человеком!

– Пожалуйста. Можешь забрать себе и лавры, и встречи с журналистами, и поездки на семинары в придачу, – расщедрился Гуров и скинул ноги Станислава со своего стола. – А место мое освободи. У меня работы невпроворот.

– Ой-ой-ой! – Крячко соорудил обиженную физиономию. – Не больно-то и хотелось мне тут сидеть. А если ты считаешь, что работаешь во всем главке один, то и моя новость тебе, наверное, уже известна.

– Что за новость? – вынимая бумаги из сейфа, насторожился сыщик. – Тебе пришло уведомление из психушки об освободившейся там вакансии Шерлока Холмса?

– Очень смешно! – обиделся Крячко и после секундной паузы отдельно проговорил: – Я установил личность первой убитой.

– Что-о?! – Гуров резко обернулся.

– Конь в пальто, – развел руками Станислав. – Не ты один, Лева, хорошо делаешь свою работу.

Несколько секунд сыщик удивленно смотрел на Крячко. Гуров и представить себе не мог, что главная на сегодняшний день проблема решится столь быстро. Он, конечно, не сомневался,

что личности убитых будут рано или поздно установлены. Верил и в способности Станислава решать любые проблемы. Но такой оперативности от друга он никак не мог ожидать.

Впрочем, как выяснилось, заслуга в установлении личности убитой принадлежит Крячко лишь косвенно. Вчера вечером, отправляясь на совещание к Орлову, Станислав попросил девушек из архива срочно оповестить его в случае появления новых данных. Предупредил Крячко также и дежурного по МУРу, чтобы тот позвонил ему, если кто-то обратится с просьбой о розыске пропавших девушек.

Станислав оказался прозорливым. А может, просто везучим. Сегодня рано утром его разбудил телефонный звонок. Крячко упорно не хотел снимать трубку, пока не вспомнил о своих вчерашних поручениях. Звонил дежурный: нашелся отец одной из девушек. Крячко бросил трубку, сказав дежурному, что немедленно выезжает.

Оказалось, едва рассвело, в МУР прибежал расстроенный мужчина. Он показал удостоверение майора милиции и заявил, что пропала его семнадцатилетняя дочь. Больше двух суток назад он отправил ее самолетом в Сочи, к бабушке, отдохнуть перед вступительными экзаменами. Девушка обещала позвонить, но так и не связалась с отцом.

Поначалу майор, сильно загруженный работой в последние два дня, думал, что дочь просто не может застать его дома. Потом заволновался и, поскольку у бабушки в Сочи нет домашнего телефона, заказал срочные переговоры.

Старушка на них явилась, но была удивлена известием о том, что внучка должна к ней прилететь. Бабушка сказала, что девушки у нее нет. Майор, не желая расстраивать старушку, предположил, что девушка задержалась у подружки, а сам побежал в МУР.

– Вот так, Лева, – закончил Крячко свой рассказ. – Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Кстати, папа еще не знает, что его дочь в морге. Дежурный не решился ему сообщить. А девушку зовут Олеся Геращенко...

– Олеся Владимировна, – эта фраза Гурова прозвучала больше утверждением, чем вопросом.

– Приехали! – зло проговорил Станислав. – Я тут распинаюсь перед ним, а Великий и Ужасный Гуров снова меня опередил. Все знает и молчит с умной рожей. Дескать, изобретай, Стас, колесо!..

– Ничего я не знал! – отмахнулся от друга сыщик. – Ты действительно сообщил для меня новость. И нечего заводиться по пустякам.

– Не знал? – Крячко обиделся. – А ее отчество, это очередная гениальная догадка? В спортлото не пробовал играть? А, экстрасенс?

– Стас, что ты психуешь? – теперь пришла очередь обижаться Гурову. – Просто на вчерашнем семинаре я познакомился с майором милиции по фамилии Геращенко. Зовут его Владимир Михайлович. Геращенко, конечно, не очень редкая фамилия. Но я не думаю, что в Москве много майоров с такой фамилией. Вот и все. И нечего из себя строить очередную жертву произвола начальников.

Крячко сконфуженно замолчал. Его обида имела под собой некоторые основания. Дело в том, что Станиславу уже не раз приходилось бывать в такой ситуации, когда новость, добытая им с огромным трудом, утрачивала свою актуальность к тому моменту, когда он доносил ее до Гурова.

Способность матерого сыщика всегда быть на шаг впереди почти всегда раздражала Крячко. Станислав никак не мог понять, как его другу удается предвосхищать его любые ходы. И более того, интуитивно решать те вопросы, на которые остальные тратили массу времени и сил.

Не чем иным, кроме как чутьем сыщика, объяснить такие способности Гурова Крячко не мог. Станислав по-белому завидовал этим способностям друга. Но, когда после многих трудов вновь оказывался в дураках, не злиться не мог.

Крячко редко когда признавался в собственном честолюбии. Он считал, что древняя поговорка – «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» – придумана для слабовольных. Станислав всегда стремился доказать, что никакой дар не заменит кропотливого и целенаправленного труда. Но, раз за разом становясь свидетелем гуровской интуиции, начинал терять веру в свои убеждения. Вот и сегодня он посчитал догадку друга очередным озарением. Поэтому и разозлился за свой якобы напрасный труд.

– Давай данные на девушку, – словно не замечая терзаний Крячко, спокойно проговорил Гуров. Станислав протянул ему заявление майора с прикрепленной к нему фотокарточкой Олеси.

– Как я понимаю, планы на сегодняшний день меняются? – поинтересовался Крячко, усаживаясь на свое место и забрасывая ноги теперь уже на свой стол. – Петра известим?

– Незачем, – отрезал Гуров, просматривая заявление. – Мы не в детском саду. И чтобы сходить пописать, в разрешении начальства не нуждаемся.

– Майором сам займешься? – Станислав закурил новую сигарету.

– Догадливый мальчик у нас в главке растет, – буркнул сыщик. – Собирайся и уматывай в Новобутаково. Поспрашивай там старушек и сторожей. Ищи любую машину, которая приезжала или уезжала с дач вчера ночью. Заодно поинтересуйся, не было ли ее за два дня до этого. И вообще, узнай о всех лицах, часто приезжающих и уезжающих с дач по ночам.

– Разрешите инструкции на листочек записать, господин полковник? – ехидно поинтересовался Крячко. – Лева, я не стажер. И как вести следствие, не хуже тебя знаю.

– Вот и займись, – холодно проговорил Гуров. – Нечего штаны в кабинете просиживать.

Станислав несколько секунд обиженно смотрел на друга. Затем не спеша встал, взял джинсовую куртку со спинки деревянного стула и подошел к двери. Перед тем как уйти, он остановился и обернулся к Гурову.

– Знаешь, Лева, – проговорил Крячко, – когда-нибудь я тебя застрелю...

– Сделай одолжение, – ответил сыщик, не поднимая головы от бумаг.

Гуров намеренно пытался обидеть Станислава. Почти с самого первого дня совместной работы, когда отношения между ними были, мягко говоря, натянутыми, сыщик заметил, что обиженный и злой Крячко ведет себя не совсем так, как остальные люди. Обычно оскорбленный человек замыкается в себе. У него опускаются руки и пропадает желание чего-либо добиваться.

У Станислава было все наоборот. Если он обижался, то старался доказать своему обидчику ошибочность его утверждений. Крячко начинал работать с удвоенной энергией и иногда творил просто чудеса находчивости и профессионализма.

Зная об этой черте его характера, Гуров не раз умышленно оскорблял Крячко. Обиженный Станислав, как и в этот раз, уходил, хлопнув дверью. И сыщику можно было не беспокоиться о том, что Крячко по присущей ему некоторой безалаберности пропустит какую-нибудь мелкую, но очень важную деталь.

Станислав и сам знал, что Гуров оскорбляет его не из-за пакостности характера, хотя и этого у сыщика было предостаточно. Крячко понимал, что оскорбительными словами друг только подстегивает его работоспособность. Но в первый момент не обижаться на Гурова не мог. Через несколько минут после неприятного разговора Станислав остывал, но осадок в душе держался еще долгое время.

Гуров с грустной усмешкой посмотрел на захлопнувшуюся за Крячко дверь и поднялся с кресла. Сыщик не уставал удивляться иронии судьбы. Еще вчера утром любознательный майор настырно добивался встречи с ним. И вот сегодня эта встреча состоится. Вот только не в радость она будет Геращенко. Сыщик вздохнул и достал из кармана визитку майора.

Геращенко возглавлял одну из следственных групп МУРа. Услышав по телефону голос Гурова, майор обрадовался тому, что знаменитый сыщик нашел время побеседовать с ним.

Гуров по телефону объяснять майору ничего не стал, попросив Геращенко срочно зайти к нему в кабинет. Майор немного удивился, но прибыть обещал немедленно.

Гуров прождал пятнадцать минут. Пока Геращенко добирался до его кабинета, полковнику успел позвонить Орлов и осведомиться о том, как продвигается следствие. Гуров в очень вежливых выражениях послал генерала подальше вместе с его заинтересованностью и попросил Орлова не мешать работать. По крайней мере, до вечера.

– Лева, ты пойми, надо мной начальство есть, и на меня, между прочим, давят намного сильнее, чем я на тебя, – обиженно проговорил Орлов.

– Вот и разбирайся сам со своим начальством, – раздраженно ответил Гуров. – Это не мой курятник.

– Спасибо, что разрешил, – съехидничал генерал и сухо добавил: – Вечером чтобы все трое у меня были. Ясно?

– Слушаюсь, господин генерал-лейтенант! – отчеканил сыщик, дал отбой и тут же набрал номер Гойды. Он оповестил следователя о том, что личность одной из убитых установлена. Сыщик попросил Гойду заняться архивами, поскольку планы на день изменились.

– Пришли ко мне Геращенко, как закончишь с ним, – попросил следователь.

Гуров не любил оповещать людей о смерти их близких. Раньше он принимал такую обязанность слишком близко к сердцу, но за годы работы чувства несколько притупились. И все же он чувствовал некоторое волнение перед встречей с Геращенко: майор с его жадной знаний импонировал ему.

Сыщику захотелось закурить, но, как всегда, сигарет у него не было. Гуров вообще курил мало и редко. Поэтому никогда не носил с собой сигарет. Когда желание покурить совсем становилось непереносимым, сыщик «стрелял» сигаретку у знакомых. Эта его привычка была предметом постоянных насмешек Крячко, не упускавшего возможности подколоть своего начальника.

Гуров хотел было поискать сигареты в столе у Станислава, но, подумав, махнул рукой и остался сидеть в кресле. Сыщик зачем-то переложил бумаги на столе с одного места на другое, потом и вовсе убрал их в сейф. Едва он закрыл дверцу, как в кабинет постучали: пришел Геращенко. На этот раз майор выглядел побледневшим и осунувшимся, лишь глаза горели лихорадочным огнем. Было похоже, что он не спал всю ночь.

– Проходите, Владимир Михайлович. Присаживайтесь, – пригласил Гуров. – Разговор у нас будет долгим.

– Что-нибудь случилось, Лев Иванович? – насторожился Геращенко, присаживаясь на край стула. – Я чем-нибудь могу вам помочь?

– Я вызвал вас по поводу вашей дочери, – проговорил сыщик, проклиная себя за то, что так и не научился тактичности.

– Что с ней? – майор подался вперед.

– Она мертва, – глядя Геращенко прямо в глаза, ответил Гуров. – Я очень сожалею...

Майор побледнел, хотя казалось, что это уже невозможно. Он судорожно сглотнул слюну и растерянно огляделся, словно ожидая, что кто-нибудь появится в кабинете и скажет, что это шутка. Руки Геращенко затряслись, и он полез в карман за сигаретами.

Гуров налил стакан воды и протянул его майору. Геращенко только отмахнулся и опустил голову. Майор закурил и остался сидеть, так и не подняв головы. Сыщику еще больше захотелось курить, но попросить у Геращенко сигарету он не мог. Тяжело вздохнув, Гуров подумал, что сегодня же купит пачку сигарет и положит ее в стол. На всякий пожарный.

– Как это случилось? – наконец глухо проговорил майор.

Гуров знал, что утаивать какие-то факты от сыщика бессмысленно. И сколь ни хотелось Гурову углубляться в детали смерти Олеси, делать это пришлось.

Сыщик рассказал все, что было известно о смерти его дочери, вернее, почти все. Не сказал Гуров лишь о своей догадке относительно пристрастия убийцы к куреву и то, что маньяк проходил в их деле под кодовой кличкой «Курильщик». Остальное он выложил без утайки.

– А я-то думал, что вы мою просьбу решили выполнить и рассказать о расследовании, – горько усмехнувшись, проговорил Геращенко, едва сыщик закончил свое повествование. – А тут вон, значит, что!..

– Я очень сожалею, Владимир Михайлович, – снова повторил Гуров совершенно банальную фразу. – Понимаю, как вам сейчас тяжело, но мне необходимо, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

– Не извиняйтесь, Лев Иванович. Сам в таких ситуациях не раз бывал, – с болью в голосе проговорил майор. – Только разрешите, я вниз спущусь. стакан водки выпью. А то, боюсь, связно говорить не смогу.

– Не нужно куда-то ходить, – мягко удержал Геращенко сыщик. – Есть у меня, что выпить.

Гуров выбрался из кресла и подошел к сейфу, достал початую бутылку «смирновки» и два граненых стакана. Поставив их на стол, сыщик налил один стакан до краев, а второй – примерно на два пальца. Протянув полный майору, сыщик поднял свой стакан.

– Твою мать... – горько выругался Геращенко и одним глотком выпил водку. – Царство тебе небесное, доченька!

Гуров терпеливо ждал, пока майор закурит еще одну сигарету. Руки Геращенко сильно тряслись, и он пытался скрыть это. Собственно говоря, майор держался молодцом.

– Спрашивайте, Лев Иванович, – наконец прервал затянувшуюся паузу майор. – Я готов. Вас, наверное, интересуют связи Олеськи?..

– И не только это, – Гуров убрал бутылку в сейф. – Вы уверены, что ваша дочь собиралась улететь? Она не могла изменить планы?

– Не думаю, – покачал головой Геращенко. – Вообще-то, она у меня девочка своевольная... Была! – с нажимом поправил себя майор. – Мать у нее погибла в автокатастрофе, когда Олесе только исполнилось пять лет. Я ее один растил. Ну, вы понимаете. Работа без графика, редко бывал дома. Соседка за ней присматривала. Добрая старушка. А я, когда выбирал время для воспитания, излишне Олеську баловал. Ну, не мог к ней строго относиться. Помню, как-то раз...

Гуров слушал, не перебивая. Он понимал, что майору нужно выговориться. Не дать внутренней боли захлестнуть душу. Поэтому и терпеливо молчал. К тому же сейчас любая информация об Олесе могла помочь понять ее характер, привычки. И может, это дало бы хоть какую-то ниточку, ведущую к преступнику.

– Владимир Михайлович, – мягко проговорил Гуров, едва майор замолчал. – Вы не ответили на мой вопрос. Откуда у вас такая уверенность, что ваша дочь не решила задержаться в Москве перед поездкой в Сочи.

– Полетом, – поправил сыщика Геращенко, закуривая новую сигарету.

– Что? – не понял майора Гуров.

– Перед полетом, а не поездкой, – повторил Геращенко. – Я давал ей деньги на самолет, и она утром в день отлета, перед моим уходом на работу, показывала мне билет. Вы можете это проверить в аэропорту.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – покачал головой сыщик. – У вас есть какие-нибудь соображения о том, кому могла быть нужна смерть вашей дочери?

– Лев Иванович, вы же умный человек! – несколько раздраженно ответил майор. – Если я мог хотя бы предположить, кто убил Олеську, то с этого и начал бы разговор с вами. Не было у нее ни врагов, ни завистников. Да и кто может позавидовать дочери мента?..

– Сколько она взяла с собой денег? – задал Гуров новый вопрос.

– Когда это убийства при ограблении совершались таким варварским способом? – Геращенко понял, к чему клонит сыщик. – Да и не было у нее ничего. Ну, дал я девчонке пару тысяч на мелкие расходы. Сочи все-таки...

Майор внезапно замолчал. Впервые с начала беседы он поднял на Гурова покрасневшие глаза. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Затем Геращенко резко затушил недокуренную сигарету в пепельнице и произнес:

– Как же я сразу не догадался?! Ведь, если делом по убийству моей дочери занимаетесь вы, значит, это уже не первый случай? Новый серийный маньяк? Но почему именно мою девочку!!!

– Успокойтесь, Владимир Михайлович, – Гуров снова протянул майору стакан воды. – Я понимаю ваши чувства, но сейчас мы не можем дать волю эмоциям. Не мне вас учить, насколько важно быстрое получение информации. Нам нужны трезвые головы, чтобы не упустить ни малейшей детали. Иначе зверь снова будет убивать.

Геращенко утвердительно кивнул и так же, как водку, одним глотком осушил стакан воды. Сыщик даже засомневался, заметил ли майор разницу. Геращенко аккуратно поставил стакан на стол и, тяжело вздохнув, сцепил пальцы рук.

– Как я понимаю, ваша дочь должна была собрать в поездку какие-то вещи? – вопрос прозвучал полуутверждением. – Чемодана около тела... извините!.. мы не нашли. Вы не можете мне рассказать, что из одежды, украшений и прочего брала в Сочи ваша дочь?

– Нет, – Геращенко с трудом взял себя в руки. – Нужно посмотреть дома. Тогда я скажу.

– Мы не могли бы сделать это сейчас? – мягко, но настойчиво поинтересовался сыщик. – Как вы понимаете, вещи могут попытаться продать. И чем быстрее мы получим их описание, тем больше шансов на то, что наши осведомители сумеют их засечь.

– Да, конечно, – как-то растерянно согласился майор. – Только мне нужно оповестить начальство о своей отлучке. На меня сегодня рассчитывают.

– Если хотите, я могу это сделать, – предложил свою помощь Гуров.

– Нет, спасибо, я сам, – твердо отказался Геращенко. – Можно от вас позвонить?

Гуров показал на телефон и тактично отошел к окну. Но поскольку кабинет был не генеральский, Гуров прекрасно слышал, о чем говорил майор. Геращенко поначалу, видимо, не хотел говорить о гибели дочери. Однако начальник майора оказался человеком упрямым и никак не хотел отпускать его с работы без веской причины. В конце концов майор не выдержал и накричал на своего шефа, сказав, что у него погибла дочь. После этого вопрос с поездкой был улажен.

По дороге к дому Геращенко сыщик продолжал расспрашивать его об Олесе, ее привычках, друзьях. Гуров пытался отыскать малейший след, который мог бы привести к убийце. И в первую очередь сыщика интересовало, почему девушка пошла куда-то с маньяком.

Судя по рассказу Геращенко, Олеся должна была улететь в Сочи четырнадцатичасовым рейсом. Расстались они с отцом утром, и девушка сказала, что перед отлетом забежит попрощаться к подружке. А оттуда – сразу в аэропорт.

Подружка Олеси жила на Театральной улице. Район довольно оживленный в любое время суток. Тем более в середине дня. Выкрасть незаметно девушку оттуда не могли. Если только это не произошло прямо в квартире подружки. Но в этом случае увозить должны были обеих сразу.

Решив проверить и этот вариант, Гуров показал майору фотографию второй убитой девушки. Геращенко покачал головой. Нет, девочка не похожа на Олесину подружку. Геращенко вообще видел ее впервые.

Получалось, что Олеся либо пропала после визита к подружке, либо вообще не приезжала к ней. В любом случае, поняв, что начинает теоретизировать, не имея конкретных фактов, Гуров прекратил свои размышления.

Собственно говоря, ничего особо интересного Гуров от майора не услышал. Олеся жила довольно замкнуто. Подруг у нее было мало. Да и тех скорее можно было назвать приятельницами, нежели настоящими подругами. Девушка редко уходила из дома. Хотя последние месяца три к ней пару раз в неделю приезжал парень на собственной машине и они куда-то пропадали часа на два-три.

Несмотря на настоятельные просьбы отца познакомить его с другом, Олеся постоянно отказывала ему в этом. Она говорила, что с Колей – так его звали – они просто друзья. Зная вспыльчивый характер дочери, Геращенко был не слишком настойчив в своих просьбах. В итоге он даже фамилию парня так и не узнал.

Гуров мысленно сделал для себя пометочку. Действительно, как бы все просто объяснялось, если жертвы были знакомы с маньяком! Тогда и голову ломать не нужно, как молодая и необщительная девушка позволила совершенно незнакомому человеку посреди бела дня увезти себя невесть куда. Гуров усмехнулся и решил спрятать эту версию поглубже. Самый легкий путь чаще всего и приводит в тупик! И все же парня стоило проверить.

До Печатникова переуллка, где располагалась квартира Геращенко, они добрались очень быстро. Еще стремительней, словно каждая секунда промедления могла стоить жизни, Геращенко поднялся на третий этаж. Гуров едва успевал за ним.

Квартира майора ничем особенным не отличалась: стандартная обстановка, приобретенная в кредит еще в советские времена, нуждающиеся в замене обои. Две комнаты и кухня, больше похожая на платяной шкаф. Единственной достопримечательностью была большая коллекция солнцезащитных очков, занимавшая две стеклянные полки в старом серванте. Пока Геращенко смотрел, что из вещей Олеся взяла с собой, сыщик стоял в гостиной и рассматривал эту коллекцию.

– Не могу сказать точно, – донесся до Гурова из спальни голос майора. – Но, по-моему, нет джинсов, футболки с рисунком руки на груди, полосатого сарафана, еще одного сарафана, белого. Олеська забрала черное вечернее платье, кучу нижнего белья, купальник и всю коробку со своими украшениями. Да, нет еще и солнцезащитных очков. Ну, знаете, Лев Иванович, таких, в которых сейчас молодежь ходит. С толстой черной пластмассовой оправой и желтыми, почти прозрачными стеклами.

Гуров удивленно оглянулся: только секунду назад он смотрел как раз на такие очки и был немного удивлен словами майора. И не только потому, что очки эти находились в шкафу. Гуров не мог понять, как Геращенко определил отсутствие их в доме, даже не посмотрев на коллекцию. Достав очки из серванта, сыщик подошел к дверям спальни.

– Вы не про эти говорили, Владимир Михайлович? – спросил он, показывая Геращенко очки.

– Нет, – грустно покачал головой майор. – Смотрите, у этих по самому краю стекла идет маленькая трещина. Олеська случайно повредила их и отказалась носить. Она купила себе точно такие же и держала их всегда на своем туалетном столике.

– Понятно, – проговорил Гуров. – Спасибо за помощь.

– Лев Иванович, – с тяжелым вздохом Геращенко поднял на сыщика глаза. – Если на сегодня ничего больше срочного нет, то я хотел бы побыть один. Мне это необходимо.

Сыщик согласно кивнул и, попрощавшись, направился к выходу. Геращенко проводил его. У самой двери майор слегка попреридержал Гурова за рукав.

– Лев Иванович, – дрожащими губами произнес Геращенко. – Я бы очень хотел вместе с вами вести это дело, но понимаю, что этого мне никто не позволит. Я лицо заинтересованное. И все же, если вам нетрудно, держите меня в курсе расследования. Насколько это возможно. Да, и еще. Я рад, что дело ведете вы. Теперь, насколько это вообще возможно, я буду спать спокойно. Уверен, убийцу вы не упустите!

Гуров ничего не ответил. Он лишь ободряюще кивнул и, отвернувшись, зашагал вниз по лестнице...

Глава 3

Пока Гуров добирался до Театральной улицы, где жила Катя Свистунова, подруга Олеси, он еще и еще раз обдумывал те факты, что узнал от Геращенко. Даже если судить по одному тому, что майор за три месяца так и не настоял на знакомстве с другом дочери, получалось, что в их семье были довольно своеобразные отношения.

Видимо, Геращенко баловал Олесю даже больше, чем предполагал сам. Хотя бы элементарные меры безопасности в наше беспокойное время требовали того, чтобы отец знал, с кем его ребенок проводит свободное время. Чтобы знать, с чего начинать поиски в случае исчезновения дочери.

На секунду у Гурова промелькнуло подозрение, что замкнутый образ жизни девочки и отсутствие у нее подруг объяснялось отнюдь не ее скромностью. Вполне вероятно, что девочка была излишне своенравна и этим отталкивала от себя людей. Но какие-то окончательные выводы можно было сделать только после того, как сыщик поговорит со Свистуновой.

Катя на все сто процентов соответствовала тому описанию, что дал ей майор. Рослая, очень полная девушка с невероятно надменным лицом. Она открыла дверь почти сразу после звонка Гурова и, полностью заслонив собой дверной проем, не слишком любезно спросила:

– Что вам надо?

– Вы Екатерина Свистунова? – сыщик, не дожидаясь ответа, показал девушке удостоверение. – Мне необходимо с вами переговорить.

– Ничего себе. Я балдею. На-астаящий па-алковник! – деланно удивилась Свистунова. – Ну, заходите, раз пришли. Можно и поговорить. Все равно делать нечего.

Квартира у Кати была зеркальным отражением дома Геращенко: ни в обстановке, ни в планировке ничего выдающегося. А основное отличие заключалось в страшном беспорядке. Гурову показалось, что если здесь когда-нибудь и наводили порядок, то это было задолго до рождения Екатерины. Свистунова скинула с узкого дивана прямо на пол кучу вещей и предложила присесть.

– А, не обращайте внимания, – она небрежно повела рукой вокруг себя. – Живу я одна. А вещи мне намного легче находить, когда они все на виду. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– О вашей подруге, Олесе Геращенко, – Гуров внимательно взглянул в лицо Свистуновой.

– Да? – девушка, похоже, не слишком удивилась. – И что эта дуреха могла натворить?

– Ее убили, – не отрывая взгляда от Кати, с нажимом проговорил сыщик. Свистунова поперхнулась.

– ...твою мать! – грязно выругалась она. – Говорила я этой сучке, чтобы не совалась не в свое дело. Наслушалась я от знакомых, как с ними клиенты обращаются...

– Стоп! – пытаюсь остановить словесный поток Екатерины, рявкнул Гуров. – Какие клиенты?

– А какие клиенты могут быть у проституток? – таким же, как и у сыщика, тоном заорала Свистунова. – Тупые идиоты, садисты, извращенцы и импотенты!..

На несколько секунд в комнате повисла гнетущая тишина. Гуров ошеломленно смотрел на Катю, пытаясь справиться с удивлением. Вот уж чего-чего, а такого поворота сыщик никак не ожидал. Несмотря на свои недавние рассуждения о том, что Олеся была не совсем такой, какой ее хотел видеть отец, Гурову и в голову не могло прийти, что девочка проститутка. И еще труднее было поверить в то, что ее отец ничего об этом не знал.

– Вы уверены в том, о чем говорите? – как можно спокойнее поинтересовался сыщик.

– Еще бы, – фыркнула Свистунова. – Она сутенера почти всегда у меня на хате ждала.

По словам Екатерины, Олеся постоянно жаловалась на то, что тех грошей, которые получает ее отец, не хватает. Геращенко несколько раз, словно в шутку, говорила о своем желании подрабатывать проституцией. Свистунова над ней подшучивала. Но недели две назад Олеся пришла к ней однажды вечером и заявила, что нашла новую фирму из тех, что носят неброскую вывеску «отдых, досуг, сауна».

Екатерина попыталась ее отговорить. Но Геращенко заявила, что все уже решено и менять свои планы она не собирается. Единственным препятствием был отец. Он, естественно, ничего не знал о решении дочери.

Свистунова ехидно поинтересовалась, как Олеся будет работать по ночам, если папочка ее и на дискотеки не отпускает. Геращенко ухмыльнулась. Она ответила, что поскольку фирма еще новая, то первое время сутенер согласен привлекать ее только в те дни, когда отец находится на ночном дежурстве. Или вечером, если подвернется ранний клиент. Олеся была твердо намерена зарабатывать этим себе на жизнь. Она даже собиралась в ближайшее время уйти из дома. Геращенко говорила, что сутенер уже подыскал подходящую квартиру и, как только она найдет повод поссориться с отцом, уйдет из дома.

– Когда произошел этот разговор? – перебил Свистунову сыщик.

– Да, наверное, дня четыре назад, – пожалала плечами та. – Олеся сказала, что Витька, ее сутенер, недоволен: дескать, появились постоянные клиенты и он не собирается их терять из-за ее проблем. Он сказал, что или она быстро разбирается со своим папашей, или он оставит ее без работы и сделает ей такую рекламу, что ее больше ни в одну фирму не примут.

– Сутенер знал, кто ее отец? – поинтересовался сыщик.

– Думаю, что нет, – поколебавшись, ответила Екатерина. – Сомневаюсь, что кто-нибудь из сутенеров стал бы связываться с дочерью мента. Хотя кто их, дураков, знает?!

– У Олеси были враги? – Гуров внимательно посмотрел на девушку.

– Откуда? – девушка махнула рукой. – Девка она, конечно, стервозная, хотя и учителя, да и папаня ее пай-девочкой считали. Но нагадить кому-нибудь так, чтобы ее захотели грохнуть, это нет! Морду набить бы могли. А убивать ее было не за что. Вы Витьку тормозите. Прижмете к стене, он и расколется, кто у нее в тот день был.

– В день перед смертью Олеся купила билет на самолет в Сочи, – Гуров решил немного изменить тему. – Отец сказал, что она собиралась зайти к вам попрощаться. Она была у вас?

– Вот это новость! – Свистунова удивленно вскинула брови. – Никуда она не собиралась. Как она могла в Сочи лететь? Да ее за это с работы вышибли бы в тот же день!

– Так она была у вас третьего дня или нет? – повторил сыщик, уже зная ответ.

– Нет. Я еще удивлялась, почему она три дня нос не показывает, – ответила Екатерина. – Да и Витька вчера звонил, просил передать, что если она немедленно с ним не свяжется, то может считать себя уволенной. Так она, значит, в Сочи улетела?

– Не успела, – Гуров не собирался рассказывать Свистуновой слишком много. – Как мне найти этого Виктора?

Не говоря ни слова, Екатерина поднялась с дивана и начала копаться в своих вещах. Она все время что-то бормотала, но так невнятно, что Гурову не удавалось разобрать слов. Сыщику ничего более не оставалось, как сидеть и терпеливо ждать. Наконец Свистунова нашла искомое.

– Вот, – проговорила она, протягивая Гурову визитку. – Тут телефоны их оператора. Олеся с Витькой через него связывалась. Только не говорите, что я вам это дала. Скажите, что около трупа нашли. А то, не дай бог, Витька мне мозги вышибет.

– Что вы знаете о друге Олеси? – пряча визитку, спросил Гуров. – О некоем Николае?

Оказалось, что не так уж и много: Геращенко предпочитала хранить фамилию своего поклонника в тайне. Свистунова видела его несколько раз. Знает, что он раскатывает по Москве на «Ауди». И все.

С ее слов следовало, что Николай был сыном так называемого «нового русского». Мальчик пошел по стопам отца и открыл собственный бизнес. Правда, в отличие от родителя, кроме связей в преступном и деловом мире, отделить которые друг от друга было довольно трудно, имел еще и гарвардское образование.

Екатерина рассказала Гурову, что была знакома с несколькими представителями новой волны деловых людей. По ее словам, все они люди очень вежливые и обходительные. Однако, когда дело доходит до вопросов их личной жизни и бизнеса, могут быть жестче своих отцов.

– Знаете, они на вас морально и финансово так могут надавить, что мало не покажется, – почему-то с горечью произнесла Свистунова. – По сравнению с этим несколько переломов от «гоблинов» даром небесным выглядеть будут. Я и о нем Олеся предупреждала. Только ведь ей все по фигу. Она всегда делала только то, что хотела.

– Как вы думаете, Николай знал, чем занимается его подруга? – поинтересовался сыщик.

– Сомневаюсь, – покачала головой Свистунова. – Не думаю, что Олеся на него какие-то серьезные виды имела. Скорее всего, так, «девочка для нечастых встреч». Иначе на хрена она бы в проститутки пошла? Ну какая же дура скажет своему парню, что она своим телом деньги зарабатывает?

Более Свистунова ничего добавить не могла. Сыщику осталось только попрощаться и уйти.

После разговора с Екатериной Гуров решил проверить, покупала ли Олеся билет в Сочи. По словам Свистуновой, Геращенко не могла туда лететь. Отъезд из Москвы был бы для нее катастрофой. Но майор утверждал, что его дочь билет покупала.

Впрочем, Олеся могла приобрести билет в кассе аэропорта, показать его отцу, а затем сдать. Может, девушка решила использовать эту ситуацию для того, чтобы сбежать из дома. В таком случае деньги за билет и та пара тысяч, что дал ей отец, могли послужить стартовым капиталом.

По дороге в аэропорт сыщик размышлял над теми фактами, что узнал от Свистуновой, и у него возникало желание заняться вплотную сутенером Витькой.

Интуиция подсказывала, что в аэропорту ситуацию не прояснит, более того, может только еще больше ее запутать. Если Олеся сдала билет на самолет, это может подтвердить правильность выводов сыщика относительно планов девушки. Но не более. К установлению личности преступника этот факт его не приблизит.

Если Геращенко билет не сдала, то из этого можно будет извлечь время похищения девушки. Самолет должен был улететь около четырнадцати часов. Если предположить, что Олеся собиралась сдать билет, значит, преступник добрался до нее раньше этого времени. Но и это – только предположение, не слишком много дающее следствию.

Оставалась еще одна ситуация. Если Олеся собиралась уйти из дома либо лететь в Сочи, она должна была бы поделиться своими планами с Екатериной. Однако Свистуновой ничего об этом не известно. Кроме майора, билет никто не видел. И если окажется, что Геращенко не покупала этот билет, то получается, что майор лжет.

– Хотя и это не факт, – задумчиво пробормотал Гуров.

Можно, конечно, предположить, что девушка показала отцу какой-нибудь старый билет. Маловероятно, что майор, столько позволявший своей дочери, стал бы проверять его. И Олеся таким образом избавила бы себя от ненужной траты времени на две поездки в аэропорт.

Вот этой последней ситуации Гуров и боялся больше всего. Она могла бы совершенно запутать следствие и исключить возможность даже приблизительного установления времени, когда убийца нашел Олеся. Однако опасения сыщика были напрасны.

Олеся Владимировна Геращенко действительно покупала третьего дня билет на самолет, следующий рейсом до Сочи. Правда, установить, приобретала ли она его лично, или это сделал

кто-либо другой, Гурову не удалось. Тот кассир, что продавал билет, был на работе. Однако вспомнить, кому он продал этот билет, не смог.

Обратно билет не сдавали. Сама она не появилась, и место ее так и осталось пустым до конца рейса. Что ж, время похищения девушки можно было назвать. Это произошло в промежутке между восемь утра и четырнадцатью часами дня. Но где она была эти шесть часов и что делала, еще предстояло выяснить.

Единственной ниточкой, которая еще оставалась у Гурова, был Виктор, сутенер. То, что он звонил Свистуновой и спрашивал ее о Геращенко, еще ни о чем не говорило. Сутенер мог прекрасно знать, что его девушка пропала после встречи с «ранним» клиентом. И этот звонок Екатерине – не больше, чем способ обезопасить себя.

Так ли это было, Гурову предстояло выяснить. В любом случае снимать Виктора с подозрения было рано. Как, впрочем, и любого другого. Но если Гуров пока не располагал никакими данными о Николае, кроме марки его машины, то к сутенеру вел вполне четкий след. И этот след стоило немедленно разработать.

Поездка к Геращенко, разговор с Екатериной и путешествие в аэропорт отняли у Гурова немало времени. Уже давно перевалило за полдень, и сыщик почувствовал, что голоден. Остановившись у ближайшего кафе, он позвонил со своего сотового телефона Гойде. Сыщик попросил следователя узнать владельцев двух телефонных номеров и перезвонить ему.

– Эти телефончики как-то связаны с убитыми? – осторожно поинтересовался следователь.

– Думаю, да, Игорь, но пока предпочел бы об этом не говорить, – сыщик не спешил делиться своими открытиями, пока не проверил все факты. – Вечером расскажу все, если удастся что-то раскопать.

– Я подготовил для телевидения объявления на обеих девушек, – Гойда уже привык к такой манере Гурова работать. – Вечером они выйдут в эфир. Кстати, тебя тут журналисты обыскались.

– А это не мой курятник. Пусть ими пресс-служба занимается, – усмехнулся сыщик. – Значит, решил данные и на Геращенко отправить?

– Ну а почему бы и нет, – ответил Гойда. – Лишняя информация никогда не помешает.

– Смотри, как бы этой «лишней» информации не оказалось слишком много. Ладно, работай. Жду звонка, – Гуров дал отбой и выбрался из машины.

Гойда связался с сыщиком довольно быстро. Гуров не успел еще доесть пельмени, которые предпочел всем остальным сомнительным блюдам. Оба номера, как и предполагал сыщик, принадлежали разным людям. Один был записан на Анну Павловну Гуськову, проживавшую на улице Врубеля, другой – на Анатолия Степановича Татарина, прописанного по Первому Пехотному переулку. Обе улицы выходили на Волоколамское шоссе, откуда можно было выбраться на улицу Свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.